

## Новый романъ М. Горькаго.

Въ Берлинѣ въ изданіи небезызвѣстнаго русской читающей публикѣ Ивана Ладыжника вышель новый романъ Максима Горькаго: „Жизнь ненужнаго человѣка“.

Герой романа Евсѣй Климовъ, послѣ смерти родителей, семи лѣтъ перешелъ къ дядѣ, кузнецу, младшій сынъ котораго, Яковъ, почему-то раздраженный скучнымъ старческимъ видомъ и совинымъ лицомъ двоюроднаго брата, сторонившагося ребяташекъ въ школѣ и вообще жившаго молча, одиноко, гдѣ-то въ тѣни, въ уголкахъ и ямкахъ, часто усердно и долго билъ его по спинѣ, по бокамъ, по животу,—и, чѣмъ терпѣливѣе Евсѣй выносилъ побои брата, тѣмъ болѣе распалялся Яшка, порою онъ даже плакалъ и, пиная ногами тѣло брата, самъ кричалъ:

— Мокрица окаянная... реви!

Когда Евсѣй кончилъ учиться, дядя Петръ свезъ его въ городъ и „придѣлилъ“ племянника къ владѣльцу книжной лавочки, Распонову, а послѣ его смерти Климовъ перекочевалъ въ канцелярію полицейскаго управленія.

Однажды, когда, насыщая себя пріятной горечью परिцанія людей, Климовъ увлекся этимъ и уже ничего не слушалъ и не видѣлъ, у него надъ ухомъ раздался веселый голось:

— Евсѣй Климовъ, что-ли?... Не узнаешь? А Якова помнишь? Двоюродные братья мы...

Молча, смущенно улыбаясь, Евсѣй осторожно пожалъ руку брата.

— Не узналъ я...

— Понятно!—воскликнулъ Яковъ.—Въ городѣ память слабѣе дѣлается—со всѣхъ сторонъ въ голову лѣзетъ разное, ну старому-то и нѣтъ мѣста... Какъ живешь?

— Ничего...

— Безъ работы?

— Д-да...

Яковъ познакомилъ Евсѣя со своими товарищами

— Это мой двоюродный братъ, Евсѣй Климовъ. А это—Оля, Ольга Константиновна, а его зовутъ Алексѣй...

Опустивъ голову, Климовъ неловко и молча пожималъ руки новыхъ знакомыхъ и думалъ:

„Вотъ захлестываетъ онъ меня... Лучше уйти мнѣ“.

Ольга, наклонивъ голову, заглядывала въ лицо Климова

— У васъ товарищи есть?

— Нѣтъ... никого нѣтъ...

— Мнѣ такъ сразу и показалось, что вы



одинокій!—сказала она, улыбаясь.—У одиноких походка особенная... и вообще они замѣтные... Вамъ сколько лѣтъ?

— Скоро девятнадцать...

— Вонъ, глядите—сыщикъ!—тихо воскликнулъ Алексѣй.

— Замѣтили, какъ онъ шелъ?—спросила Ольга Климова.

Евсѣй молча кивнулъ головой.

— Человѣкъ, должно-быть, несчастный и одинокій...

Евсѣй поднялъ голову, внимательно и съ ожиданіемъ взглянулъ на нее.

— Знаете, я думаю, что для слабаго человѣка одиночество самое страшное, оно на все можетъ толкнуть...

— Да.,—шопотомъ сказалъ Климовъ, что-то понимая, и, благодарно взглянувъ въ лицо дѣвушки, повторилъ погромче:—Да!

На другой день вечеромъ онъ шелъ къ Ольгѣ и несъ въ груди темную пустоту, всегда въ моменты нервнаго напряженія владѣвшую имъ.

— Замѣчаете вы,—тихо говорила дѣвушка,—какъ быстро мѣняются люди, какъ у всѣхъ растетъ вѣра въ другъ друга, какъ быстро люди знакомятся. Всѣ ищутъ друзей, находятъ ихъ; всѣ становятся проще, доверчивѣе, открываютъ душу. Вы посмотрите, какъ это хорошо!

А Евсѣй, все болѣе подчиняясь власти побѣднаго чувства, которое внушали ему дѣвушка и ея тихое, тѣсное жилище, думалъ:

„Погашу свѣтъ, встану передъ ней на колѣни, обниму ноги и все скажу“...

Онъ тяжело поднялся со стула, протянулъ руку къ лампѣ, огонь которой казался досадно лишнимъ; руки вяло опустились,—онъ покачнулся.

— Что вы?—спросила Ольга.

Желая отвѣтить, Климовъ тихо завылъ, всталъ на колѣни и началъ хватать ея платье дрожащими руками. Она уперлась въ лобъ его горячей ладонью, другой рукой взяла за плечо, сильнымъ движеніемъ спрятала ноги подъ стулъ и строго заговорила:

— Нѣтъ, нѣтъ, встаньте!... Вѣдь вы не милостыню просите.... Я говорю вамъ—встаньте!

Онъ всталъ, не успѣвъ ничего сказать; дѣвушка спутала всѣ слова, желанія, чувства, вложила въ грудь ему что-то обидное, колющее....

— Поймите, вы,—бормоталъ онъ, разводя руками.

— Да, да, я понимаю... Боже мой! Всегда это на дорогѣ!—воскликнула она и, посмотрѣвъ въ лицо ему, сурово сказала:—Мнѣ надоѣло это... мнѣ обидно... Ахъ, господи, какіе вы все-таки жалкіе!

... Черезъ нѣсколько минутъ Климовъ сидѣлъ на лавкѣ у воротъ какого-то дома и, точно пьяный, бормоталъ, искусственно напрягаясь:

— Сволочь... Ну, хорошо... подожди—думалъ онъ, насилуя себя, и, наконецъ, рѣшилъ: „Выдамъ ихъ и попрошу въ награду, чтобы меня перевели въ другой городъ—только и всего...“

Въ другой городъ Евсѣя не перевели; онъ крѣпко запуталъ себя свѣтлою новаго настроенія и сталъ служить съ тупой ревностью, раньше незнакомой ему; онъ хорошо понималъ, что окружавшіе его—мелкіе люди—такъ-же, какъ и самъ онъ, живутъ въ тѣсномъ плѣну страха и не имѣютъ силы вырваться изъ него,—придетъ къ нимъ сильный и овладѣетъ ими, придетъ сильнѣйшій, и волею его они опрокинутъ старое вмѣстелище страха для новаго...

Темный страхъ хлесталъ его изнутри и толкалъ, и носилъ изъ стороны въ сторону, и, наконецъ, привелъ къ самоубійству. (*Раннее Утро*)